

Петр Немировский

КОРОНА АННЫ

Новелла

1

Стив работал полицейским в должности помощника начальника больничной охраны. Ему было сорок два года. Женат никогда не был и детей не имел.

Он родился и вырос в Нью-Йорке. Его родители – потомки немецких иммигрантов во втором поколении – практически полностью ассимилировались в американской культуре. Поэтому и Стив считал себя американцем, хоть и помнил, что в его жилах течет немецкая кровь.

Он был привлекательной наружности, видный, правда, несколько склонен к полноте. Лицо с правильными, но простоватыми чертами. Взгляд светло-серых глаз выдавал в нем человека умного и наблюдательного.

Работа в больнице не требует особой выправки и того полицейского лоска, что имеют копы, патрулирующие центральные улицы Манхэттена. В этом отношении Стив не был исключением: униформа сидела на нем слишком свободно, даже мешковато.

Но походка у него – живая, энергичная. По натуре человек открытый, Стив и в манерах был открыт. Без повода не хмурился, любил шутку; эпикуреец, он мог в охотку посидеть с приятелями в баре за бокалом эля и хорошим стейком.

В полицию его привела не страсть к погоням и стрельбе. Не скрытые садистские наклонности или желание наслаждаться властью. Отнюдь нет.

Родители хотели, чтобы сын пошел по стопам одного из них: мать работала учительницей в школе, отец – менеджером в супермаркете. Стив выбрал специальность администратора. Но,

получив диплом и недолго поработав в одной фирме, убедился, что административная работа не для него. Задумался, чем же заняться дальше. Решил стать полицейским. И не только потому, что эта работа обещала материальный достаток.

С детства мама приобщала его к истории рыцарства, крестовых походов и возвышенной любви к Прекрасной Даме, ради которой рыцарь готов на любые страдания, даже на смерть. Представления о доблести и чести, впитанные с детства, тоже повлияли на решение Стива стать полицейским.

Окончив Полицейскую академию, сначала служил рядовым копом, патрулирующим улицы в разных районах Нью-Йорка, а последние семь лет – в больничной охране, что его вполне устраивало.

В больнице, конечно, тоже порой случаются ЧП: у кого-то украдут кошелек, кто-то из пациентов или их родственников в сердцах накричит на медперсонал, воришки пытаются что-то утащить из припаркованных на стоянке автомобилей.

Больше всего хлопот – от отделений психиатрии и скорой помощи. В «скорой» – понятно: туда привозят людей со всего города: подобранных на улице, избитых, пьяных, попавших в аварии. Немудрено, что там всегда нужно быть начеку. В психиатрическом отделении – тоже, нетрудно догадаться, спокойствия не жди.

В целом, однако, работа полицейского в больнице не опасна. Пистолет, хоть и имеется, но из кобуры Стив его ни разу не вынимал. Наручниками, правда, несколько раз воспользоваться пришлось.

Во время ланча он идет к озеру в парке, что неподалеку от больницы. К озеру ведут узкие петляющие дорожки.

Стив несет пакет со свежим хлебом, купленным в бакалейном магазине неподалеку. Пользуясь тем, что на нем полицейская форма, проходит свободно в тех местах, где стоят знаки, запрещающие вход обычным посетителям. Парк старый – повсюду оползни, часто падают, обламываясь, тяжелые сгнившие ветки, а то и целые деревья.

Стив спускается к берегу, к месту, вымощенному замшелым булыжником. Сдвинув за спину на пояском ремне кобуру с пистолетом, садится на корточки.

– О-ол! О-ол! – рассекая ряску, к нему плывут лебеди.

Стив отрывает кусочки хлеба от ломтя и бросает, приговаривая: «Плыви сюда... бери еще...» Птицы хлопают крыльями, иногда дерутся за упавший в воду кусок. А хлеб тем временем размокает, от него расходится белесая муть. Кое-что достается и уткам, которые тоже стремятся поживиться. Но лебеди не впускают уток в свои владения, отгоняют их меткими ударами клювов.

Кормить лебедей – любимое занятие Стива. Пожалуй, ничто в жизни: ни вкусная еда, ни общение с приятелями, ни езда на новой машине не приносят ему такого наслаждения, как это, казалось бы, малоинтересное занятие – кормить птиц. Здесь, у озера, он забывается. Улетает мечтами – то ли в неведомое будущее, то ли в далекое прошлое...

Будучи еще ребенком, Стив всегда ждал прихода субботы. Не только потому, что – выходные и не нужно идти в школу. Под конец недели в супермаркете, где работал отец, оставался непроданный хлеб. Почти весь багажник отцовской машины был заполнен упаковками этого хлеба.

Отец брал Стива с собой; мама, если была свободна, тоже присоединялась к ним. Еще звали с собой и соседскую девочку – Шерри. Все вместе ехали на канал.

На канале, у причалов, стояли рыбачьи корабли и прогулочные катера. Там рыбаки продавали только что пойманную рыбу, веселая публика всходила по трапам на яхты и катера.

Отец вынимал из машины пакеты с хлебом и раздавал их детям. Сразу же со всего канала к ним неслись лебеди и чайки.

Родители отходили в сторонку. Отец курил, мать что-то ему рассказывала, поглядывая, как Стив и Шерри бросают птицам хлеб. Дети соревновались, кто бросит дальше и кто сумеет покормить лебедя с руки. И мир вокруг был прекрасен: яхты, мосты, родители, лебеди. И Шерри...

Шерри!.. Она была королевой, Прекрасной Дамой, а он – ее верным рыцарем. Ланселотом. Или Зигфридом.

Иногда мимо них проплывала семья лебедей: белые родители и два сереньких лебеденка между ними. Стиву тогда было лет шесть-семь, но в этой проплывающей семье птиц он словно видел отражение своего будущего: они с Шерри поженятся, и у них будет двое детей. И вода этого канала всегда будет чиста, и с причала будут уходить в океан корабли, и лебеди отсюда никогда не улетят.

xxx

Однажды они поехали на берег океана; Стив уговорил родителей, чтобы взяли с собой и Шерри.

На океане был небольшой шторм, почти никто из пришедших на пляж не купался. Взрослые загорали, а дети пускали воздушного змея. Родители строго запретили детям приближаться к воде.

Небо постепенно затягивалось тучами. Родители стали звать детей, мол, пора собираться домой. Но дети, с палками в руках, гонялись за какой-то черной птицей, вылетевшей из рощицы неподалеку.

Это был то ли вороненок, то ли молодой коршун. Птица порой резко вскрикивала, отлетала недалеко, но затем снова приближалась. Она будто дразнила детей – «поймайте меня!». Порой, казалось, ее силы иссякли, и она вот-вот упадет, но в последнее мгновение, едва не коснувшись крылом песка, вдруг снова взмывала в небо.

Дети и не заметили, как очутились у самой кромки воды.

«А-а!..» – вдруг вскрикнула Шерри.

И миг исчезла, закрученная и утянутая ко дну турбулентной волной.

Стив больше никогда ее не видел...

Потом настали мрачные дни. Родители с ним редко разговаривали, никто в семье не улыбался. Потом на несколько месяцев пропал отец. Мама говорила, что его будут судить и он может попасть в тюрьму, потому что в тот день на пляже он выпил пару бутылок пива.

Отца в тюрьму, к счастью, не посадили, но жить они стали очень бедно, родители постоянно говорили о долгах, которые нужно выплачивать адвокату и родителям Шерри.

Они переехали в неблагополучный район, сняв маленькую квартирку. Отец начал пить, мама постоянно брала подработки, поэтому вечерами и на выходные Стив часто оставался один.

Долгие годы Стиву снился один и тот же сон: черный ворон-коршун подлетает к нему. Тень птицы растет, накрывает его так, что вокруг становится совсем темно. А птица превращается в колдуна, который дико хохочет и кричит: «Твоя жена утонула! Твоя любовь умерла! И другой жены у тебя не будет! Ха-ха-ха!..»

Стив вырос, много хорошего и плохого случилось в его жизни с тех пор: родители состарилась, Стив окончил колледж и стал полицейским. Он жил обеспеченной жизнью, был здоров, со стороны могло показаться, что обласкан судьбой.

Но ужасное событие детства оставило в его душе неизгладимый след. Несмотря на солидный жизненный опыт, повидав немало на своем веку, как полицейский, в душе Стив оставался семилетним мальчиком, который был верен своей королеве и тайно верил в существование злого колдуна.

Он сходил с женщинами, влюблялся. Но всегда что-то не складывалось и приходилось с ними расставаться.

Его последняя любовь – Мэрилин была красивой и умной. Любила Стива и он любил ее. Им было хорошо вдвоем. Мэрилин работала в отделе рекламы одного Бродвейского театра. Одна была проблема – Мэрилин имела пристрастие к наркотикам.

Однажды Стив пригласил ее в ресторан на большое семейное торжество, чтобы представить свою невесту семье. Когда подали десерт, Мэрилин куда-то вышла и долго не появлялась. Ее нашли в туалете, без сознания. Вызванная «скорая» приехала слишком поздно – Мэрилин умерла от передозировки.

Это событие настолько потрясло Стива, что он окончательно поверил – над ним тяготеет злой рок. И решил: не надо больше

искушать судьбу, не надо вступать ни в какие серьезные отношения с женщинами. Лучше оставаться одному.

На вопрос, почему он не женится, Стив теперь полушутя отвечает, что, «как порядочный человек, сначала должен выплатить долги за дом и машину». От предложений познакомиться его с «классной девочкой» всегда отказывается.

2

Однажды в осеннем парке Стив встретил молодую женщину. Он кормил птиц. Но почему-то, против обыкновения, некоторые из лебедей, схватив кусочек-другой, отплывали от него, устремляясь куда-то. Стив повернул голову и увидел на берегу, в осоке, крохотную женщину в светлом плаще, с распущенными светлыми волосами. Она тоже бросала птицам крошки.

– Не знал, что у меня появился такой серьезный конкурент, – пошутил он, подойдя к женщине, складывая вчетверо уже пустой целлофановый пакет.

– А я вас тут видела в прошлый раз. Но вы были так заняты, что меня не заметили, – засмеялась она в ответ.

На вид ей – лет тридцать. Но определить наверняка ее возраст было трудно – в ее необычайно белом, с правильными чертами лице было нечто таинственно ускользающее. Во взгляде темно-карих глаз странным образом соединялись и тревожная застенчивость, и дерзость, и доверчивость. Ощущение неопределенности возраста усиливала ее маленькая, исполненная удивительной грации, фигура.

– Меня зовут Анна, – она протянула ему руку, и Стив накрыл ее своей ладонью, как лапой. – Неподалеку отсюда я даю уроки балета в

одной студии. После урока прихожу сюда. Здесь очень красивое место, напоминает мне Россию, – сказала она, и Стив понял, какой акцент звучит в ее английской речи. – А когда увидела здесь вас, то и вовсе перестала бояться ходить в эту глушь. Вы – такой большой, такой сильный, еще и полицейский, с пистолетом...

Она разломала в ладошке последний крекер и, размахнувшись, бросила в воду. И в одном ее движении – взмахе руки, когда Анна вся изогнулась, превратившись в существо, состоящее не из костей и мышц, а ветра и воды, было столько пластики, что Стив замер.

xxx

Они часто встречались у того озера. Анна стояла там же – в нише из осоки, а Стив на камнях. Приветствовали друг друга.

Когда весь хлеб и печенье были отданы птицам, вместе возвращались обратно, в шум города. Порою путь преграждала толстая ветка, рухнувшая от старости или ветра. Тогда Стив отодвигал ветку в сторону или приподнимал ее над головой женщины. Сделав грациозный книксен, она проходила вперед.

Анна закончила в Санкт-Петербурге балетную школу, потом танцевала в Мариинском театре. Быстро сделала карьеру от второй солистки до примы. Затем по контракту поехала в Японию и пять лет работала в токийском театре «Империял». Полгода назад очутилась в Нью-Йорке, где у нее тоже был контракт в театре «Метрополитен», но что-то сорвалось. Поэтому сейчас у нее получился как бы незапланированный творческий отпуск: она давала классы в одной балетной студии.

Ее продюсер оказался либо бестолковым, либо непорядочным, и ей теперь приходится многие свои дела устраивать самой, попутно занимаясь поиском нового продюсера. Она рассказывала и про балетные спектакли.

В тонкостях балетного искусства Стив, конечно, разбирался не так хорошо, как Анна. Правда, в школе несколько раз под Рождество их всем классом водили на «Щелкунчика». Родители порой брали его с собой на постановки во время сезонов Американского театра балета. Видел он и «Лебединое озеро», и «Жизель».

В «Лебедином озере», кстати, его всегда волновала заключительная сцена битвы Зигфрида с колдуном, когда принц выпускает в колдуна-коршуна стрелу. В оркестровой яме гремели барабаны, звенели литавры и визжали скрипки. От этой бешеной музыки, и мятущейся тени колдуна, и бури, сердце Стивена всегда холодело и сжималось; он едва сдерживал желание выбежать на сцену и увести принца, чтобы он не погиб в этой схватке. А ночью, дома, лежа в кровати, Стив улыбался, вспоминая сцену, когда побежденный колдун упал в озеро, а принц спас прекрасного Лебедя. И Стив представлял себя в образе благородного принца.

Теперь, когда он шел рядом с Анной, слушая ее рассказы о создании балетов, об Анне Павловой, в честь которой она была названа и которая была ее божеством, Стив воскрешал в памяти те дни, когда был ребенком, когда сидел в партере театра, ожидая поднятия занавеса...

Людей Анна делила на две категории – добрых и недобрых, и часто жаловалась на свою наивность, которая всегда ей внушает, что человек лучше, чем он есть на самом деле.

– О, из-за своей наивности я столько натерпелась! – признавалась она, подхватив с земли длинную, тонкую ветку и проделывая ею ловкие движения, словно шпагой. Руки у нее, несмотря на грациозность, были достаточно сильными. – Меня и грабили несколько раз, и обманывали с контрактами, и писали обо мне в журналах и газетах всякую чушь, – привстав на цыпочки, она вдруг легонько коснулась кончиком ветки плеча Стива.

– Вы сейчас будто бы исполнили ритуал посвящения в рыцари, положив шпагу мне на плечо, – пошутил наблюдательный Стив, когда Анна отбросила ветку в сторону.

– Вы угадали, – серьезно ответила она.

xxx

Стив не сумел бы вразумительно ответить, зачем ему эта связь. Не раз хотел прекратить эти встречи. С женщинами его отношения ограничивались исключительно сексом. Он привык к жизни холостяка, находил в ней свои прелести. Он не балетоман. В Россию в ближайшее время не собирается. Зачем же ему встречаться с Анной, которая, сама того не ведая, растравливает его душу, будит в ней какую-то тоску?

Но каждый раз, давая себе обещания больше с ней не видеться, не мог дождаться ланча. Несся в бакалейный магазин, а потом с пакетом хлеба – к озеру.

И вот Анна пригласила его к себе.

Ее квартира состояла из трех огромных, как залы, комнат. В одной зале были собраны картины и антиквариат. Всего так много и в таком беспорядке, что создавалось впечатление склада. Другая комната была оборудована под зал для упражнений. Там стояло зеркало во всю стену, станок; на полу валялись циновки. Третья комната – спальня, но туда Анна войти ему не позволила.

Она заварила чай и, с его согласия, капнула в заварник несколько темных вязких капель из какой-то бутылочки. На поднос положила орехи и сухофрукты.

– Я ожидал, что вы будете меня угощать русской водкой с блинами. Или суши с sake, – пошутил Стив, садясь в кресло, скрипнувшее под тяжестью его крупного тела.

За окнами темнело. Они пили чай. Стив ел изюм с орехами, но предпочел бы сейчас хороший стейк.

Анна – в черных рейтузах, босиком, в белой навывпуск рубашке, рассказывала об Анне Павловой, которая сто лет назад первой из великих русских танцовщиц гастролировала в Америке, а потом со своей труппой отправилась в Японию.

– Не поверите, в Японии о тех ее гастролях помнят и поныне. Японцы умеют хранить традиции, у них ничего не пропадает. Они даже сохранили корону Лебеда, которую когда-то специально изготовили для Анны Павловой. В этой короне Павлова потом исполняла свою знаменитую партию «Умирающего Лебеда», – Анна вдруг умолкла, устремив на Стива пристальный взгляд своих чуточку раскосых глаз. Будто бы пыталась определить, какой степени доверия он заслуживает.

Стив слушал ее вполуха. Он не вникал в подробности гастролей столетней давности известной русской балерины. Но когда Анна, закончив рассказ о короне Лебеда, умолкла и в комнате возникла

странная тишина, Стив наморщил лоб и пытливо посмотрел на нее. Он вдруг понял, что сможет рассказать этой женщине о своей тайне: о том, что верит в злой, тяготеющий над ним, рок и в колдовские чары. Она – эта чужая и далекая ему женщина – будет единственной на Земле, кто узнает его тайну.

– Сейчас я вам что-то покажу, – прошептала Анна и, словно змейка, сползла со стула.

Исчезла из комнаты и через миг уже стояла перед ним. На ее дрожащих ладонях лежала филигранной работы корона с белыми перьями. Золотая проволока была соединена концами в невидимых спайках, обруч был инкрустирован меленькими рубинами.

Стив хотел было взять корону, но Анна отпрянула.

– Не трогайте! Вы же ее сломаете! – воскликнула. – Мне эту корону вручили в театре «Империял», в знак высшего признания балерины. Ее нельзя продавать ни на каких аукционах, нельзя никому дарить. Она вручается лишь на время лучшей балетной танцовщице, а потом снова возвращается в Японию.

Стив недоуменно пожал плечами. В общем-то, он ничего и не собирался делать с этой короной, хотел только получше ее рассмотреть. Но раз нельзя – значит, нельзя.

А спустя час, допивая третью чашку чая, рассказал Анне о своей тайне. Он даже не покраснел, хотя боялся, что предательская краска стыда зальет его лицо. Ну в самом деле – взрослый мужчина, полицейский – и верит в какого-то колуна!

– Когда я вас впервые увидела, то сразу почувствовала, что вы окружены темными силами, – без тени всякой насмешки сказала Анна. – Боюсь, ваши испытания еще не закончились, вас ждет большая битва. Вам нужно быть очень сильным. Я помогу вам.

– Чем же вы мне поможете? – Стив иронически улыбнулся.

– Вы должны мне верить и делать все, что попрошу. В Японии я узнала много различных рецептов, как сохранять молодость и побеждать любые болезни. Я и сама, признаюсь по секрету, употребляю некоторые из них, чтобы сохранять себя в отличной форме, – она взяла в свою руку пальцы правой ноги и легко, без всякого усилия, подняла распрямленную ногу.

3

Они ходили вместе на балетные постановки, как раз был сезон гастролей. Некоторые сцены Стива захватывали, а иногда он буквально засыпал. Правда, его сонливость всегда была оправдана – неудачные, слабые спектакли Анна подвергала жесточайшей критике, плохих танцовщиц называла «коровами на льду».

Как и обещала, она предлагала ему различные лекарства. Сначала небольшие, размером с орех, желтые шарики – гормоны уссурийского тигра. Потом – темную тягучую жидкость в серебряной рюмке – настойку из печени змеи, омолаживающую весь организм. (Эту горчайшую настойку Анна, кстати, тоже пила.) Потом – тонкие, кислые на вкус палочки – высушенный экстракт из кишок каких-то птиц.

Стив все принимал, как велела Анна. Преодолевая брезгливость, пил змеиные настойки и жевал тигровые гормоны. Чувствовал на себе благотворное влияние этих диковинных средств: энергия постоянно приливалась, из тела ушел лишний вес, исчезла недавно появившаяся одышка. Спал он всего лишь по пять часов в сутки, но просыпался всегда бодрым. Незримая сила налила его мышцы крепостью. Коллеги отмечали, что у него даже голос стал звонче.

Но самое главное – он вдруг поверил, что имеет право любить и быть любимым. И словно затаился в ожидании.

XXX

О своей личной жизни Анна ему рассказала скупно: была замужем, но недолго, и развелась. Умоляла Стива не расспрашивать ее о «том семейном кошмаре».

Зато о балете могла говорить, не умолкая. Спohватившись, наливала гостю еще зеленого чаю и спрашивала, не голоден ли он. И если Стив деликатно отвечал, мол, да, немного голоден, предлагала сухофрукты.

Балерины, как известно, соблюдают строжайшую диету. Весьма озабочены тем, чтобы на тело не наплыл ни один грамм жира, чтобы суставы и мышцы обладали гибкостью ивовых прутьиков, а кожа была натянута и эластична. Поэтому из их рациона удалено все жирное, сладкое, калорийное. Короче, остается только зеленый чай, и сухофрукты, и вареный на пару рис.

– В «Лебедином озере», в том варианте балета, который мы сегодня имеем, очень мало общего с его первоначальным замыслом, с тем, как это было в оригинале у великого Чайковского, – говорила Анна. В белом трико, она сидела на полу в позе лотос, положив руки на колени. – В современном варианте как? Там – лебедь-Одетта когда-то была обычной женщиной, но ее заколдовали, и она ждет, чтобы ее полюбил мужчина. Тогда она сможет расколдоваться и опять станет женщиной. Короче, у нее почти все в порядке, только лебединые крылья мешают ей вступить в законный брак. А у Чайковского все гораздо глубже! У него Одетта – фея, фея в облике лебедя. Фея не

мечтает о браке с земным мужчиной. Фея – это птица, это красота, это свобода! – Анна вдруг взмахнула руками и приподнялась так, словно собралась взлететь. – Фея всегда тоскует по земной жизни. Но ее трагедия в том, что люди с их страстями, плотью, злым эгоистичным сердцем, не выдерживают связи с прекрасной феей, – Анна завела руки далеко за спину, соединив пальцы между собой. – П-фф...

– Но ведь в «Лебедином озере» все заканчивается хорошо, – возразил Стив.

– Да, там все заканчивается хэппи-эндом! – согласилась Анна. – Колдун погибает, Одетта и Зигфрид целуются, она уже не лебедь и может спокойно выходить замуж. А каков был финал по Чайковскому? Там... – глаза у Анны, и без того большие, расширились и почти перестали моргать.

Порой наступали такие минуты, когда Анна, ведя малозначительный, по мнению Стива, разговор, вдруг напрягалась, будто бы испытывая в душе неизъяснимый ужас. В такие минуты и Стива тоже охватывало темное чувство страха и ожидания чего-то гибельного.

– Он сорвал с нее корону... А когда с феи-Лебедя срывают корону, она лишается своего царства. Она тогда попадает в мир людей, в этот страшный холодный мир... – Анна неожиданно поднесла к лицу ладони и затрясла головой. – Нет, нет, это ужасно, ужасно!

Стив молча крутил часы на растяжном металлическом браслете. Между прочим, часовая стрелка приближалась к XII, пора домой.

В последнее время он часто сам себе казался смешным. Сказать кому-то – не поверят: он встречается с балериной, не имея на ее счет никаких серьезных планов. Пьет и глотает «звериные» настойки и пилюли. Готовится к какой-то страшной битве!..

4

Однажды Анна пригласила его в престижную танцевальную студию в Манхэттене, на конкурс. Она там – в жюри, к тому же и сама исполнит номер.

С этого выступления, по ее словам, начинается ее возвращение на большую сцену. Ее новый продюсер заключил выгодный контракт с Американским театром балета. На вопрос Стива, почему на конкурсе она будет исполнять аргентинское танго, Анна ответила, что любая профессиональная балерина танцует не только классические балетные партии, но и народные танцы, в их балетном исполнении.

– И аргентинское танго, и русский танец, и японский, – засмеявшись, она вдруг подпрыгнула и застыла в позе «самурая».

...Вечером Стив сидел в баре этой студии, пил коктейли и виски с такими же, как и он, приглашенными.

Начался конкурс. Сменялись танцоры. Им аплодировали – то густо, то жиденько. Фотографы и телеоператоры ходили по залу, направляя на исполнителей объективы. Анна в паре с каким-то мужчиной стояла за столиком жюри, раздавала танцовщикам комплименты и делала им замечания.

Стиву было скучно.

Но когда зазвенели струны гитар, когда ударили клавиши рояля, и на сцену вбежала Анна в черном облегающем платье, из разрезов которого выныривали ее белые гладкие ноги, когда замелькала ее белоснежная спина, окаймленная вырезом платья, когда поплыла по воздуху ее тонкая шея, несущая изящную головку с подобранными сверху и стянутыми в тугий узел волосами...

Там-та-та... Она ходила по сцене в сопровождении худенького партнера, совсем еще мальчика, который служил ей только для опоры. Нет же, она не ходила и не носилась по сцене, нет! Она рассекала воздух своим молодым жгучим телом. Она звала, томилась, взрывалась страстью. То проползала черной змеей между ног юноши, оплетая его и провисая вниз головой, сдавливая его горло своими змеиными ногами, то, упав на пол, через миг опять взлетала за его спиной...

Музыка стихла, и танец закончился. Но публика молчала, боясь нарушить витающее в зале очарование. И только после того, как Анна сделала книксен, зал взорвался.

В антракте Стив зашел в уборную. Там мужчины мыли руки, споласкивали лица и, вытираясь салфетками, шумно разговаривали. Забыв о всяких приличиях, говорили только про танец Анны. Все признавались, что в штанах у них было «железно», и что такого сильного влечения никогда не испытывали ни к своим женам, ни даже к любовницам.

Проводив Анну домой, Стив помог ей занести в квартиру цветы и снять шубу. Наговорил ей кучу комплиментов.

Анна словно и не слышала его слов. Она была вне себя от восторга. Еще бы! – снова на сцене!

Прошла в комнату, Стив последовал за ней.

Анна приоткрыла раму большого окна, и в комнату плеснуло мартовским ветром. Стояла у окна, покусывая ноготь большого пальца, задумавшись о чем-то. Вероятно, догадалась, что сейчас происходит со Стивом. Подошла к нему:

– Мы никогда с вами не говорили об этом. Но пришло время. Вы должны знать, что я не могу любить мужчин и не вступаю с ними в интимную связь. Может, когда-нибудь, в будущем, я и смогу их

любить, как женщина. Но пока... Обещайте, нет – клянитесь, что никогда не прикоснетесь ко мне без моей воли.

В знак согласия он сжал ее маленькие ручки. Почувствовал ее взволнованное дыхание на своем лице. Видел, как вздымается ее маленькая грудь под вечерним платьем.

– Я вам верю. Верю, как никому никогда не верила до сих пор. Вы добрый и благородный. Вы – рыцарь. Помните, как я когда-то вас посвятила в рыцари там, в парке? Кстати, я тогда не шутила, и посвящение было настоящим. Я еще потребую от вас великих подвигов, – она засмеялась. – Я хочу танцевать! Подождите минутку.

Исчезла в спальне, а Стив сел на пол.

Он думал о том, что за все время их знакомства никогда не испытывал к Анне никаких сексуальных влечений. Даже когда она делала перед ним разные упражнения, растяжки, шпагаты, ходила в неплотно запахнутом кимоно, когда наклонялась и выгибалась, когда он порой видел ее груди под отошедшими краями футболки, ее ноги в трико, открытые выше колен, – ничто не вызывало у него желания. Более того, ее тело почему-то даже иногда отталкивало его, оно казалось созданным из какой-то сырой органической массы, скажем, глины.

Но сегодня вечером эта сырая масса превратилась в огонь. И этот огонь побежал по всему телу Стива, распаяя каждую его клеточку. После выпитых коктейлей и виски голова его кружилась.

Анна вышла из спальни. В белой пачке и белых чулках, на голове – корона. Подойдя к ящику музыкального театра, нажала кнопку, чтобы включить музыку. Однако что-то не сработало.

– Вам помочь? – спросил Стив, подойдя к ней.

– Странно, неужели что-то сломалось? Что вы делаете?! Нет! Но!
– закричала она, пытаясь вырваться из его рук.

...Он рвал на ней одежду, осыпая поцелуями ее плечи, грудь. Расстегнул пояс брюк. Куски белого разорванного шелка, порванные бретельки мелькали перед его глазами, словно в тумане.

– Нет! Нет! – кричала Анна.

Он отвел ее руки и сдернул корону с ее головы.

И в этот миг комната вдруг наполнилась белыми хлопьями. Стиву сначала почудилось, что это ветер вдул в окно снег. Но замелькали перья, и красные клювы, и перепончатые лапы:

– О-ол! О-ол!

Лебеди били Стива клювами. Били в шею, в спину, пытались выклевать ему глаза!

Наконец он выпустил Анну и, закрыв окровавленное лицо руками, перевернулся на спину. Подтянув согнутые ноги к животу, издал чудовищный вопль:

– А-а!..

Вскочив, бросился прочь. Отмахиваясь от птиц, которые неумолимо преследовали его вплоть до самых дверей.

5

Неделю Стив не выходил на работу, пока раны не затянулись. Потом коллегам соврал, что якобы в баре, где он пил пиво, возникла пьяная драка, он попытался усмирить дебоширов, но получил удар в лицо разбитой бутылкой. Расспросы на этом закончились.

А Стив... пустился во все тяжкие. Его помолодевшее тело, неустанно извергающее энергию, жаждало женщин.

Во время уикендов ночи проводил в клубах для джентльменов; там уводил в темный угол не одну, а сразу двух, а то и трех стриптизерш. Приглашал их и к себе домой, где они занимались с ним любовью и покидали его квартиру с полными карманами денег.

Произошло, правда, нечто странное: лебеди в том старом парке стали его бояться. Стоило Стиву показаться на берегу, с пакетом хлеба, как вся стая срывалась с места и с тревожным клекотом уносилась прочь.

Мучимый угрызениями совести, он пару раз позвонил Анне, но она не сняла трубку. Однажды, собравшись с духом, пришел к ней в дом. Швейцар, зная, что он приятель Анны, пропустил его без слов – тем более, Стивен был в форме полицейского. Он долго звонил и стучал в ее дверь – но никто не отозвался.

6

Через некоторое время Стив познакомился с Дилией, работавшей менеджером в той же больнице, в отделе Медицинской документации.

Дилии было тридцать пять лет, в больнице она появилась недавно. Американка итальянского происхождения, она была чертовски обаятельна. Среднего роста, с широкими бедрами, покатыми плечами и налитыми грудями, красивая форма которых легко угадывалась под ее шелковыми блузками. Но наибольшую прелесть имели ее сочные губы и большие, подобные двум черным маслинам, глаза.

Коллеги-копы, глядя Дилии вслед, вздыхали и часто отпускали шуточки, начинавшиеся со слов: «Если бы она мне дала...».

Однажды их увидели вместе, выходящими из дверей больницы: Стив что-то громко рассказывал, жестикулируя, а Дилия смеялась.

У Дилии была своя вилла, доставшаяся ей от родителей. Год назад она развелась с мужем. По ее словам, замужество с самого начала было неудачным, выбор был сделан неверно. Но пять лет, прожитых в неудачном браке, несмотря ни на что, многому ее научили: сбили с нее спесь, заставили быть более внимательной к другим, не быть такой упрямой, как раньше.

В скором времени Стив уже проводил все уикенды на ее вилле, где был бассейн, тенистый сад, на мангале запекался лосось. Налив себе красного вина, Дилия ложилась в шезлонг и глядела, как Стив плавает в бассейне.

Она лежала на солнце, как спелая блестящая маслина, упавшая с ветки на полосатую ткань шезлонга. Ее прекрасное тело источало пьянящий аромат, и этот аромат хотелось вдыхать день и ночь...

Они были словно созданы друг для друга, и, наверное, в те дни на всей Земле не было людей, счастливее их. Их тела сами тянулись друг к дружке, желая снова и снова отдаваться и отдавать, всего и всю себя – без остатка.

Проводили время в прогулках, занимались садом, ходили в кино.

Дело шло к помолвке. Стив уже купил обручальное кольцо и собирался сделать Дилии официальное предложение, подарить ей кольцо в Лас-Вегасе, где они забронировали номер в гостинице. Для Дилии это не было тайной, она даже подсказала Стиву, кольцо с каким камнем хотела бы.

В сердце Стивена в те дни звучала одна только благодарность Богу и судьбе, он был уверен, что никакие темные силы теперь не разрушат его счастье.

7

Во время очередной смены он, как обычно, вышел из «дежурки» проверить посты. Прошел по этажам, здороваясь с персоналом и механически улыбаясь посетителям.

Набрав секретный код на электронном приемнике, направился в отделение скорой помощи. Ступил шаг и... попятился, спрятавшись за колонну. Мимо него, в сопровождении двух рослых санитаров, прошла крохотная женщина в халате. И только когда все трое – санитары и женщина – скрылись, Стив перевел дыхание.

Вернулся обратно в «дежурку». Там, у мониторов, сидел молоденький, недавно нанятый на службу полицейский. Стив сел к нему спиной, за свой стол.

Анна... Лебеди... Корона... Откуда-то из глубины, словно со дна уснувшего темного озера, стали подниматься и возникать перед ним образы: захлопали белые крылья, и полетели пушинки, и белый шелк балетной пачки тихо зашуршал возле самых его ушей. И Анна, вся трепеща, шла на пальцах своих божественных ног...

Стив зажмурил глаза и накрыл уши ладонями, чтобы не слышать этого шороха шелка, разрывающего ему сердце, и не видеть этих парящих тоскующих птиц...

Развернувшись в кресле, он подъехал поближе к мониторам. Нажал на пульте кнопку под надписью «Psychiatric ER» (Психиатрическая скорая помощь), не сомневаясь, что Анна именно там. И уставился на экран.

Анна ходила по небольшому помещению психиатрической «скорой». То приближалась к стойке, где сидела дежурная медсестра,

то зачем-то трогала кресло-каталку, на котором пациентов, привязанных ремнями, оттуда увозят в сумасшедший дом.

Медсестра вышла из-за стойки и, подойдя к Анне, стала размахивать перед нею рукой, указывая на одну из палат. Видимо, требовала, чтобы Анна ушла туда. Анна вдруг начала подпрыгивать перед ней.

– Во дает! Баба точно – сумасшедшая, – усмехнувшись, промолвил сидящий рядом со Стивом молодой коп. Он тоже глядел на монитор.

Стив нахмурился. Нет, он не должен вмешиваться в это дело. Ему нужно оставаться здесь, в дежурке, до конца смены. Тем более, что сегодня вечером они с Дилией едут в аэропорт, чтобы лететь в Лас-Вегас.

Но он все-таки поднялся и вышел.

В отделение психиатрической «скорой» попасть было непросто. Железная дверь туда открывалась только изнутри, с помощью секретной кнопки, вмонтированной под столом дежурной медсестры. Над дверью висела видеокамера.

Стив нажал кнопку звонка.

В небольшом помещении стоял резкий запах лекарств и хлорки. Из одной палаты доносились вопли, там кто-то бил в стену кулаками.

Со Стивом поздоровался медбрат, идущий в палату с заряженным шприцем в руках. Дежурная медсестра за столом разговаривала по телефону. В ответ на приветствие Стива пошевелила пальчиками.

Он заглянул в одну из палат. Там пусто. Открыл дверь в соседнюю и сразу вошел туда.

Анна сидела на кровати, отрешенно глядя в потолок. Перевела взгляд на Стива. Лицо ее даже не изменилось. Но вот, вздрогнув, как от легкого удара, запричитала:

– Мне плохо, плохо...

Стив взял Анну за руку и увлек за собой. Подошел к перегородке, где стоял вернувшийся медбрат, а медсестра продолжала разговаривать по телефону.

– Открывай дверь, – сказал он медбрата, стараясь сохранять внешнее спокойствие.

– Открыть дверь? А она тебе зачем? – медбрат кивнул на Анну, безропотно стоявшую рядом со Стивом.

– Она идет со мной. Так надо. Открывай дверь.

Медсестра, видя, что происходит что-то неладное, положила трубку телефона:

– Стив, что случилось? Куда ты ее ведешь?

– F..ck you! – Стив вдруг выдернул из кобуры пистолет и навел на медбрата. – Открывай дверь!

Медбрат попятился, не сводя испуганных глаз с черной маленькой дырочки в стволе пистолета.

– Он сумасшедший... – прошептала медсестра, нажимая секретную кнопку, чтобы открыть дверь.

xxx

Стив увез Анну далеко от больницы, к тому каналу, где когда-то в детстве кормил лебедей.

Ничего не осталось от того живописного места. Ныне здесь царил упадок: дома обветшали, на каждом шагу теперь были склады

для горюче-смазочных материалов и пункты по приему вторичного металла. По улицам ходили бездомные, толкая тележки с хламом. Стив не был в этом месте, пожалуй, лет тридцать.

Он припарковал машину. Заглушил мотор и открыл дверцу, где сидела Анна.

Всю дорогу они молчали. Так же, молча, пошли к воде. В темных щелях между валунами валялись пустые бутылки, бегали крысы. Стив шел первым, потом спустился на илистый берег у воды. Следом за ним спустилась и Анна.

Стив присел на замшелое бревно, смотрел на залив. Из воды торчали носы и борта затонувших лодок и катеров.

Он не хотел думать о последствиях своего поступка в больнице. Наверняка, его разжалуют и погонят из полиции. Скорее всего, возбудят уголовное дело. Но сейчас это было неважно.

Он хотел многое сказать Анне. Сказать о том, что, причинив ей зло, живет с чувством, что он – последний преступник. Он никогда не забывал о ней. Хотел забыть, но не смог.

– Моя корона, кто-то похитил ее. Все из-за тебя, из-за тебя! Ты виноват, ты насильник! Мне ничего не надо, забери у меня все картины, драгоценности, деньги, только найди, найди корону! – Анна упала на землю, на коленях подползла к нему.

Стив взглянул на нее и вдруг увидел перед собой обезумевшую старуху с растрепанными волосами и дряблой кожей лица!

Неожиданно она посмотрела куда-то поверх него, и лицо ее исказилось. Подняла дрожащую руку, указывая куда-то в сторону залива:

– Вот он!

Стивен решил, что Анна бредит.

– Чего же ты ждешь?! – закричала она, вскочив, схватила Стива за руки и стала тянуть его изо всех сил, желая поднять.

Стив нехотя повернул голову и замер.

Над гладью залива, покрытым ряской и лилиями, кружила черная птица, похожая на ворона или коршуна. Птица часто вскрикивала противным, резким голосом. Тонкий золотистый обруч был зажат в ее лапках.

Тень, отбрасываемая птицей, медленно росла и, заслоняя солнце, покрывала весь залив.

Сердце Стива похолодело. От страха он чуть было не бросился в кусты. Но его рука сама потянулась к пистолету в кобуре.

Не целясь, он выпустил в птицу три пули. Коршуна резко отбросило назад и перевернуло в воздухе:

– И-ир! И-ир!

Тонкий золотистый обруч выскользнул из его когтей и упал в воду.

Больше Стив ничего не помнил. Он видел только тонкий золотистый обруч, лежащий на листьях лилий.

Он положил пистолет на землю и, не раздеваясь, как был в форме и в амуниции – с наручниками, кобурой на ремне и фонариком, ринулся в воду.

Плыл, громко фыркая. Ему мешали тугие стебли лилий, колючие водоросли царапали шею. Под водой его ноги порой натыкались на какие-то твердые острые предметы. Он отталкивал склизкие обуглившиеся доски, царапая гвоздями руки.

Схватив корону, поплыл назад. Плыть ему становилось все труднее. Как-то резко ослабели руки. Во рту появился солоноватый вкус крови. Рука, держащая корону, вся была в порезах.

Некто, навалившись сзади, сильно давил его в спину, и Стивен захлебывался.

В какую-то минуту он почувствовал, что силы оставляют его. Он услышал над собой дикий хохот, и некто противным голосом закричал: «Твоя жена утонула! Она ждет тебя к себе! Ха-ха-ха!...»

Сквозь пелену сгустившегося воздуха он видел, как на берегу Анна подобрала с земли какую-то палку. Вошла в воду по колени и протягивает эту палку ему. Но далеко до нее, не дотянуться. И не доплыть...

Вдруг:

– О-ол! О-ол!

Белые перья. И клювы. И клекот. Прилетевшие лебеди, окружив Стива плотным кольцом, поддерживали его своими теплыми сильными телами и помогали плыть.

Выйдя на берег, тяжело дыша, он сбросил склизкую водоросль, опутавшую золотые зубцы. И отдал корону Анне...

Птицы кружили над Стивом и Анной, целуя их своими клювами.

Анна – вечно юная, в золотой короне, стояла, положив на грудь скрещенные тонкие руки. Она так сильно истосковалась по своей красоте и свободе, что не слышала и не видела ничего вокруг.

– О-ол! О-ол! Спасена! Спасена! – раздавались ликующие голоса лебедей.

За хлопаньем крыл и клекотом ни Стив, ни Анна не слышали сирен двух полицейских машин, остановившихся возле его припаркованной машины, номера которой уже были объявлены в розыск.

Открыв глаза, Стивен увидел полицейских: прячась за валунами и стволами деревьев, копы приближались к ним, держа пистолеты на изготовку.

От мысли, что его сейчас арестуют и он больше никогда не увидит Анну, у Стива сжалось сердце.

– Анна! – воскликнул он.

Она вздрогнула, очнувшись. Посмотрела по сторонам своими острыми, гневными глазами. В ее облике отразилось какое-то птичье беспокойство. Повелительно, как королева, взмахнула рукой.

И на Стива вдруг налетел мощный вихрь, втянув его в огромную темную воронку. Он стонал от боли: все кости его выламывало, все сухожилия выкручивало. Но его сердце было преисполнено неопишуемой радости...

Через минуту на том месте, где только что стояли Анна и Стив, уже никого не было. В воздухе там плавали перышки и белый пух. А над заливом, удаляясь от берега, летела куда-то лебединая стая.